

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К64

*Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.*

Оформление серии — Андрей Ферез

Конофальский, Борис Вячеславович.

К64 Вассал и господин : [роман] / Борис Конофальский. — Москва :
Издательство АСТ, 2022. — 336 с. — (Путь инквизитора).

ISBN 978-5-17-148135-3

Еще будучи простым солдатом, Ярослав Волков мечтал о титуле и земельном наделе, чтобы вести спокойную мирную жизнь. И мечты осуществились: герцог Ребенрее лично принял его вассальную клятву и пожаловал в лен землю, называемую Эшбахтом. Но, как оказалось, до спокойствия далеко — владения нового господина фон Эшбахта находятся в центре разных политических и торговых интересов, а еще там свирепствуют волки, среди которых огромный и устрашающий зверь, слишком умный и страшный для того, чтобы быть обычным хищником.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-148135-3

© Конофальский Б., 2022
© ООО "Издательство "АСТ", 2022

ГЛАВА 1

В Вильбурге Его Высочества не оказалось. Он отбыл с двором в свою резиденцию в Маленберг, замок, что находился в половине дня пути на юг от Вильбурга. Полдня пути. Всего полдня. Пусть Волков со своими людьми придет к ночи, но лучше добраться к ночи, чем здесь, в Вильбурге, встретить Адольфа фон Филенбурга — жирного и истеричного вильбургского епископа.

Аббат Илларион, посмеиваясь, рассказывал Волкову во время пиров в Хоккенхайме, что епископ зеленеет лицом и трясет всеми своими подбородками, когда слышит имя кавалера. Епископ всех уверяет, что Волков вовсе не рыцарь, а вор, который его обокрал, выманив пятьдесят талеров на дело, которое не сделал. И что сам он, епископ Вильбурга, не просил своего брата, архиепископа Ланна, производить этого проходимца в рыцари. И что письмо, которое привез мошенник от него, подложное. В общем, встречаться с этим жирным попом Волков не хотел ни при каких обстоятельствах и задерживаться в Вильбурге не стал.

С ним были офицеры Рене и Бертъе и их люди, почти сто шестьдесят человек. Дело в том, что еще в Хоккенхайме он выдал им деньги вперед за месяц, и месяц этот заканчивался только через неделю.

Можно, конечно, было их отпустить с богом, все равно они ему особо и не нужны, но Волков потащил всех этих людей с собой. Ему почему-то казалось, что приди он к курфюрсту не один, а с хорошим отрядом, курфюрст выкажет ему больше уважения. А может, и награда будет побольше. Вот и не отпускал он их, даже несмотря на то, что «кров и прокорм» оставались за ним. А еще люди Кар-

ла Брюнхвальда, почти сорок человек, которым он тоже заплатил вперед. В общем, затрат было немало, но он не отказывался нести эти траты, лишь бы прийти к герцогу во главе отряда. Гордыня? Да, гордыня. Но пусть герцог знает, что Волков способен вести и содержать без малого две сотни людей, да еще с тремя офицерами.

Так он и выехал из Вильбурга впереди колонны солдат. А с ними двигался и обоз, во главе которого ехала роскошная карета некогда страшной ведьмы Рябой Рут из города Хоккенхайма, из окна которой поглядывала на всех одетая в парчу совсем молодая женщина. Она не была красавицей, но все говорило в ней о ее высоком происхождении. И вид ее был притягателен, многие мужчины сочли бы ее желанной. Лик ее, осанка и высокомерный взгляд заставляли простых людей кланяться карете. Все, кто знал девушку, обращались к ней не иначе как госпожа Агнес. А те, кто не знал, звали ее госпожа Фолькоф, считая ее родственницей рыцаря — на что она отвечала благосклонно и не поправляла обратившегося. Видимо, она была не против, чтобы все так и считали. А вот те, кто знал, где рыцарь ее подобрал, и Сыч, и Ёган, так они вообще без необходимости к ней не обращались. И хотели бы держаться от нее подальше.

— Ну ее к черту, — коротко выразился Фриц Ламме по прозвищу Сыч.

И Ёган, человек, который никогда с Сычом не соглашался ни по каким вопросам, тут был с ним абсолютно солидарен:

— Дьяволова баба, жду не дождусь, когда господин ее поперет от себя.

Но сейчас Ёгану оказалось непросто ее избегать. Господин не дал Агнес денег на кучера, и кучером пришлось быть ему, хотя он всю свою крестьянскую жизнь управлял только телегой. А тут на тебе, карета. Да еще в четыре коня. Шутка ли? Он старался как мог, но за каждую яму на дороге за каждое резкое движение или крен кареты в спину ему летел выговор. Выговаривала не сама Агнес, а новая служанка ее, некрасивая, но молодая бабенка с жирным лицом и массивными плечами, как у мужика. Госпожа звала ее Астрид.

Служанка говорила ему хоть и громко, но постным голосом, лишенным интонации:

— Неумением своим ты госпоже докучаешь. Бестолковый ты кучер.

Здоровенный мужик ростом едва ли не выше Волкова и уж точно толще его, разъевшийся на хозяйских хлебах, втягивал голову в плечи, словно его хлыстом ожгли. Морщился и вздыхал, старался, как умел, объезжать ямы, чтобы только не злить лишний раз важную госпожу Агнес. Ту самую Агнес, которую год назад рыцарь нашел в трактире в Рютте, когда она мыла там заблеваннные полы и грязные столы.

Максимилиан, сын Карла Брюнхвальда, что со штандартом Волкова ехал в голове колонны, обернулся и крикнул отцу и рыцарю, что шагов на десять отстали от него:

— Господа, замок!

Брюнхвальд и Волков, занятые малозначительным разговором, подняли головы и поглядели туда, куда указывал юноша. Они за день видели много замков, наверное четыре, не меньше, но этот, несомненно, принадлежал Его Высочеству.

Маленберг стоял на скале, возвышаясь над лесом. Родовой замок дома Ребенрее был виден издалека.

— Надо бы добратся до него дотемна, — сказал кавалер.

Очень ему хотелось, чтобы герцог увидал его отряд.

— Успеем, — заверил его Карл Брюнхвальд и, обернувшись, крикнул: — Шире шаг, ребята! Скоро постой. Вон у того замка встанем.

А кругом было на удивление хорошо. Поля со всходами, луга, кони пасутся, коровы. Дома мужиков вовсе не хибары: побелены, крепки. Кирхи не бедные. Коров вокруг много, на каждом клочке земли вдоль дорог, там, где есть трава, — корова. Ветряки мельниц то тут, то там. Богатая земля, богатая. Одно слово — родовой домен герцога. И великолепный замок на горе, новый, крепкий, высокий, как скала, красивый. Брать его — только зубы ломать: на горе стоит, вокруг него даже пушек не выставить. Разве только предместья пограбить. В общем, все здесь хорошо и красиво. Видно, ни разу сюда еретики с войной не доходили.

Как приблизились к замку, навстречу рысью выдвинулись два всадника. Ретивые, но вежливые господа оказались. Сначала у Максимилиана спросили, чей стяг он держит. Строго спрашивали, но

без грубости. Получив ответ, подъехали к Волкову и Брюнхвальду. Поздоровались, представились и спросили, зачем это они ведут столько добрых оружных людей к замку Его Высочества.

— Это рыцарь Божий Фолькоф, — за Волкова ответил Брюнхвальд, — а то люди и офицеры его. Идет он к замку Его Высочества так как барон фон Виттернауф звал его, чтобы герцог мог наградить рыцаря по его заслугам.

Один из господ сказал тогда:

— Станьте под замком, там постоянных дворов довольно, и велите людям вашим вести себя смиренно, простой люд не обижать и ждать, когда принц вас пригласит.

Брюнхвальд, видно, собирался ему ответить, что они и не думали этого делать, чай, не разбойники, но Волков его опередил и объявил:

— Так мы и поступим. Предайте Его Высочеству, что я смиренно жду его аудиенции. И передайте барону фон Виттернауфу, что я прибыл.

— Мы все передадим, — обещали господа и уехали в замок.

Под горой, на которой стоял замок, раскинулось большое село, да и не село уже, скорее город, просто без стен. Город да и только. И дома у него каменные, и ратуша большая, рынки, церкви. Чем не город? Там нашлись постоянные дворы, а один и вовсе неплохой. Волков снял комнаты всем своим офицерам. И Бертъе, и Рене, и Брюнхвальд были довольны. Солдаты по разрешению хозяина за малую плату расположились в палатках на скошенном поле возле села. Они поставили котлы с бобами на огонь, зарезали двух баранов, что купил им кавалер, пили пиво и ели свежий, белый хлеб. И все были довольны. Все, кроме Агнес.

А чего ей быть довольной? Комнату господин ей снял маленькую, с узкой кроватью и без стола. Столоваться ей внизу велел со всем постоянным людом. А ее служанку Астрид так и вовсе оправил спать в людскую со всякой сволочью, с лакеями и холопами. Авось не барыня. Госпожа Агнес хотела по лавкам хорошим пройтись, слава богу, они тут были. Она видела из кареты добротный лен да еще шелковую лавку. Так господин денег не дал. Отчего же ей быть в добром расположении духа? Так и ходила по трактиру после ужина злая. Встретила

в коридоре Максимилиана. Говорить с ним хотела, да он убежать norовил, твердил, что по делам господина старается. Так от злобы она ущипнула его за щеку. Сильно. А он взвизгнул, отпихнул ее и убежал. А она посмеялась немного, хоть чуть развеселилась и пошла Ёгана искать. Решила отчитать его за нерадивость и неумение водить карету.

Не нашла, пошла в покои господина, а там с ним мужчины за столом. Офицеры. Ей очень нравилось, что эти господа всегда вставали и кланялись ей, когда она входила в комнату, шурша своим дорогим платьем. Все вставали, только кавалер не вставал, говорил с ней неучтиво. А мог и вовсе, коли в дурном духе был, из-за стола ее выпроводить бесцеремонной фразой: «Спать ступай, к себе иди». Все ее чтили, все ей кланялись: и господа, и холопы, даже те, кто видел ее первый раз, а он как со служанкой с ней говорил. Или еще хуже, как с ребенком. И при людях небрежно протягивал ей руку для поцелуя. И она целовала эту руку с поклоном. В этот момент Агнес сама не знала, нравится ли ей при людях руку ему целовать или злится она на него за такое унижение. Скорее, и злилась она, и нравилось ей. Все сразу.

Иногда он позволял ей посидеть с ними за столом, выпить вина — но недолго. Затем всегда отсылал ее. И опять обидно отсылал, словно она была дите неразумное. А она вовсе не дите. Может, ей и интересно было поговорить с господами офицерами, блеснуть знаниями своими, увидеть на их лицах удивление и восхищение. Зря она, что ли, книги читала одну за другой. А господин говорить ей не давал, гнал ее безжалостно. Или шутливо спрашивал господ офицеров, не знают ли те кого, кто взял бы Агнес замуж. Те отвечали, что таких богатеев среди своих знакомых не встречали и что госпоже Агнес в мужья пойдет только граф, никак не меньше. И тогда господин говорил, что графов он не знает и за неимением таких выдаст ее, наверное, за Сыча или Ёгана. И тут следовал смех. Солдафоны, чего с них взять.

И вот из-за этого она уже точно на него злилась. Краснела и говорила слова негрубые, но тоном дерзким, отчего все мужчины смеялись от души еще больше, и кавалер ее выпроваживал прочь. Вот и в этот вечер в постоялом дворе Волков и офицеры посмеялись, и он опять выгнал Агнес из-за стола. Она выпила вина и была зла, раскрас-

нелась, даже стала хороша собой. Вскочила и убежала, как обычно, даже не пожелав ему спокойного сна, а после нее Брюнхвальд, Рене и Бертье тоже откланялись и пошли по своим комнатам.

Трактирные лакеи быстро убрали со стола посуду, остатки ужина и ушли. А Ёган взялся смотреть одежду господина, приговаривая:

— Это чистое. И это чистое. И это еще поносите.

— Ты не забывай, что завтра меня может герцог звать, не дай бог у меня одежда грязная будет, — напомнил ему Волков.

— Все, что нужно, сейчас прачке снесу, ждет она, — обещал слуга, — сапоги вычищу, завтра будете сами, как герцог.

— Туфли тоже приготовь, может, в туфлях пойду, — задумчиво произнес кавалер и добавил: — Сундук мой дай.

Ёган бросил копаться в тряпках господина и подтащил к столу тяжелый сундук.

Волков достал из кошель ключ, повозился и откинул крышку. Сундук был железный, кованый, с хитрым замком и очень крепкий. Внутри много отделений, но занято всего три. В одном, самом большом, лежал мешок синего бархата, в котором хранился голубоватый стеклянный шар. Его кавалер трогать не стал. Он не любил эту вещь и без необходимости даже не прикасался к ней.

А вот все остальное из сундука извлек. И теперь перед ним на столе лежали расплавившийся от тяжести большой суконный кошель и кожаный плоский кошель для важных бумаг. Там был имперский вексель на тысячу с лишним монет. Волков его и доставать не стал, проверил, на месте ли, и все. А вот содержимое холщевго кошелья вывалил на скатерть.

Золото! Никакого серебра, только золото!

Он и так знал, сколько у него этих славных монет, но решил еще раз пересчитать. Стал раскладывать их столбиками: гульдены, флорины, тяжелые цехины, флорины папской чеканки, эгемские кроны, королевские экю и даже старинный «пеший франк». И самые ценные из всех — тяжелые дублоны. Четыреста две золотые монеты. Волков не мог сказать точно, но приблизительно они стоили восемнадцать тысяч талеров Ребенрее. А значит, все двадцать тысяч талеров Ланна и Фринланда. Да, это были хорошие деньги. Очень хорошие. И все это он заработал всего за один год — непростой, ко-

нечно, зато и награда оказалась намного больше, чем получал он за двадцать лет в солдатах и гвардии. В разы больше.

И это не считая векселя, кое-какой брони, аркебуз и арбалетов, что лежат у него в доме в Ланне. А еще имеется кусочек земли в Ланне с кузницей. Да карета, хорошие кони. Да еще и серебро в кошельке. Там монет полторы сотни, не меньше. Черт, еще пушки! Три пушки, что он вывез из Ференбурга, они тоже стоят больших денег. И все это не считая связей и знакомств, которыми он оброс. Несомненно, Бог был к нему милостив и воздал ему по делам его, хотя и нелегко ему все это далось. И это еще не конец, завтра Волков получит то, о чем мечтал с поступления в солдаты.

Да, он мечтал о земле, всегда мечтал. Он заразился этой мечтой от офицеров, у которых служил в молодости. Все они всегда копили деньги, и копили только на одно. А придворные, на которых он насмотрелся в годы гвардейской службы, готовы были на любые подлости и на самоубийственные безрассудства, только чтобы сеньор дал им землю. Все эти твердые, жесткие, жадные люди мечтали бросить свое ремесло или удалиться от двора, как только накопят достаточно денег на клочок земли. Земли с мужиками, чтобы больше никогда не нуждаться. Чтобы до конца дней своих быть господином. И умереть господином.

И Волков тоже заболел этой болезнью. Думал о земле всегда: и долгими ночами в караулах, и стоя в конце штурмовой колонны с арбалетом в руках, и на привалах. Экономя деньги в кабаках и торгуясь с маркитантками, он все время копил. Все это время мечтал о земле. И вот теперь эта мечта была совсем рядом. Если, конечно, барон Виттернауф его не обманул. Нет, он не обманет, не посмеет. Барон стал его уважать, может даже побаиваться, после того как Волков на его глазах ловко и хладнокровно разбирался в тюремных подвалах Хоккенхайма с тамошними хитрыми и злобными ведьмами.

Нет, барон сделает все, что обещал. Если, конечно, герцог не будет против и даст обещанную землю. И тогда... Деньги Волкову кстати. Вряд ли ему дадут очень хорошую землю, никто не станет раздавать добрую землю с мужиками. Дать-то дадут, но или земля будет плоха, или мужиков на ней окажется мало. Кроме того, еще и потребуют, чтобы спасибо говорил до самой смерти. И служил.

Ну и черт с ними, лишь бы дали, лишь бы не обманули. А уж он как-нибудь поднимет ее. Тут Волков в себе не сомневался.

— Лишь бы дали, — произнес он, сгребая золото в кошель.

— Это вы про что? — полюбопытствовал Ёган.

— Да про землю, может, герцог мне земельки даст.

— Земля! — Слуга замер с новым колетом господина в руках. — Земля — это очень хорошо. Особенно если с мужиками.

— А на кой черт она мне без мужиков?

— Это да, — согласился Ёган. — Это да, только вы и без мужиков берите, не отказывайтесь.

— Брать?

— Обязательно. Если крепостных не будет, так свободные набегут, безлошадные да безземельные. Лошадок им купим, покос выделим, дужок какой дадим под козу, оброк честный положим, опять же, дозволим хворост собирать, глину жечь, запруды на ручьях под рыбу ставить, обязательно мужички набегут. А если скажем, что первые пару лет без барщины будут жить, так и много набежит. Лишь бы земля была не камень да не болото.

— Думаешь, справимся? — спросил Волков, в первый раз, наверное, всерьез советовавшийся со слугой.

— Эх, господин, — осклабился Ёган, — вы думайте, как мечом махать да ведьм палить, а в мужицком деле я разберусь. Всю жизнь им занимаюсь.

— Ладно. — Волков вздохнул, захлопнул сундук и запер его на ключ. — Давай спать, на рассвете встанем.

— Давайте, господин, — согласился слуга, — сейчас только вещи к прачке занесу и тоже лягу.

Он ушел, а кавалер запер дверь и завалился в кровать, которая была далеко не так хороша, как та, на которой он спал в Хоккенхайме. Но человеку, который много лет спал на солдатском тюфяке или на земле, и такая кровать счастье. Хоть и волновался он, хоть и думал о завтрашнем дне, но заснул сразу, как и положено бывшему солдату.

ГЛАВА 2

На заре он велел принести себе в покои завтрак. Пригласил офицеров, а Максимилиана послал в замок узнать, когда курфюрст его примет.

Еще в Хоккенхайме Волков безвозмездно выдал Рене и Бертье деньги, видя их бедственное положение. Он считал укором себе, что его офицеры ходят в разорванных солдатских башмаках и что колеты у них в локтях и на манжетах протерты. А на их шляпы он и вовсе смотреть не мог. Оттого и не поскупился, выдав им в подарок по пять талеров. Денег у него были целые сундуки, пока их попы не отняли. И если взрослый и умудренный опытом Арсибальдус Рене потратил полученное с толком и теперь выглядел вполне прилично, хоть и небогато, веселый и голосистый Гаэтан Бертье поступил как минимум оригинально. Вместо нового колета он накопил себе рубашек с тончайшим кружевом, вызывающие красные сапоги выше колен и роскошный алый кушак. И теперь поверх растрепанных манжет и воротника у него торчали роскошные кружева, а выдавшие виды широченные зеленые панталоны никак не гармонировали с красными сапогами и кушаком алого шелка. Ничуть не смущаясь, решение он нашел с солдатской простотой, напялив на себя кирасу — изрубленную и кое-где помятую, но зато начищенную до зеркального блеска.

Как ни странно, но Рене и Брюнхвальд также явились к завтраку в кирасах. Поразмывлив, Волков решил, что это даже неплохо. Он, конечно, пойдет на прием без доспехов, но эти кирасы подчеркнут серьезность его людей. Правда, кавалер надеялся, что весе-

лый Бертье не осмелится на прием к герцогу надевать свою рваную шляпу.

И когда они ели молодой сыр, топленое молоко, белый хлеб и окорок, прибежал Максимилиан и рассказал им:

— Поначалу меня в замок не пускал сержант. — Юноша с трудом переводил дух. — Но как я сказал, что меня послали вы и что вас пригласил барон, так сразу пустили и сказали, где найти хозяина. Думал, он еще спит, а он не спал, я ему сказал, что вы ждете дозволения герцога, а он в ответ, что ждать не нужно, а нужно через час прийти в трапезную и, пока герцог завтракать будет, он вас представит.

— И все? — спросил Волков, чувствуя, что от волнения начинает гореть лицо.

— Нет, еще сказал, что вопрос ваш у него решен, — выпалил Максимилиан. — И чтобы вы не волновались. Сказал, что все будет по уговору.

— А что же за вопрос? — Пылкий и шумный Бертье даже усидеть не мог на стуле, вскочил. — Ну, кавалер, расскажите!

Волков не говорил офицерам о награде, вернее, говорил, что награда будет, но не уточнял, какая именно. Даже Брюнхвальду, кажется, про землю не обмолвился.

— Узнаете, господа, — ответил он с напускным спокойствием, хотя у самого кипела кровь от волнения. — Придет время, и узнаете.

Кавалер даже смог улыбнуться.

— Вот какой же вы холодный человек! — восхитился Бертье.

— Хладнокровие — очень важное качество для офицера, — нравоучительно заметил ему Рене. — Вам, Гаэтан, есть чему поучиться у кавалера.

Но Волков только с виду казался спокоен, на самом деле он волновался. Так волновался, что расхотел заканчивать завтрак и, чтобы избавиться от гостей, крикнул:

— Ёган, подавай одеваться!

Гости тут же встали и пошли из покоев, а Ёган принес от прачки чистую и лучшую одежду господину. Кавалер оделся и стал придирчиво осматривать себя, пока слуга держал перед ним зеркало. Колет,

шитый серебром, был изумителен, бархатные панталоны в меру широки. Сапоги решил не надевать: до замка недалеко, поедет в туфлях, авось грязи нет, не запачкается.

Перед отъездом Волков решил взглянуть на своих людей и остался ими доволен. Даже неряха Сыч и тот был чист и гладко выбрит. А уж Максимилиан и вовсе оказался образцовым знаменосцем. Видно, Карл Брюнхвальд проследил за тем, как выглядит сын.

Так и поехали. Дорога была не крута, но все время шла в гору.

Волков и офицеры разглядывали замок герцога и пришли к выводу, что в нем легко можно разместить и тысячу солдат. Все сошлись во мнении, что этот замок штурмом не взять и что просидеть под ним можно годы — и осада будет без толку.

Мост был опущен, решетка поднята. Едва Максимилиан крикнул, что едет кавалер Фолькоф, офицеры и люди его, сержант сразу отошел с дороги, пропуская их и указывая рукой:

— Езжайте к восточной коновязи. Там гости ставят коней.

Большой двор был вымощен ровным камнем и на удивление чист — даже под коновязями чисто, словно лошади тоже поддерживали чистоту. Такого Волков не видал ни при дворе де Приньи, ни при дворе архиепископа. Остальных это тоже поразило. Стены были выбелены, двери в образцовом порядке, словно новые.

Тут же во дворе их встретил мажордом — немолодой муж солидного вида, опиравшийся на трость с серебряным набалдашником. Кроме дорогой приметной трости о важности этого человека говорила не только добрая одежда, но и золотая цепь гульденов на двадцать.

— Я прибыл по приглашению барона фон Виттернауфа, — сказал Волков, бросая повод Сычу.

— Барон дожидается вас, — с едва заметным поклоном величаво отвечал мажордом.

— Ишь ты, серьезный какой, — тихо сказал Ёган, — и не поклонится даже толком.

— И не говори, боится, спина переломится, — согласился с ним Сыч, с интересом разглядывая цепь мажордома. — Вон сколько золота на себе носит, важная, видать, птица.

Они с Сычом так и остались при лошадях.

Остальных мажордом жестом пригласил следовать за ним. Шел он, подлец, так, что Волков едва поспевал — непросто ему было хромать по высоким и вычищенным ступеням, которые вдобавок никак не кончались. Подъем — коридор, подъем — коридор. Подъем — длинный коридор. Кавалер pokrылся испариной, сжал губы в нитку. Ногу на ступенях стало выворачивать, словно он уже целый день ходил, ступать на нее было все тяжелее. Но просить мажордома не спешить он не хотел. Не к лицу рыцарю Божьему выглядеть немощным. А вот по шее мажордому так и подмывало накостылять хорошенько, только вряд ли бы выгорело, ибо угнаться за ретивым мужем не было никакой возможности. Да и догони его Волков — сдержался бы. Ничего, потерпит, не для того он здесь, чтобы слуг герцога задирать. Вот и шагал он за мажордомом, сопя и стискивая зубы. Терпел боль в ноге и обиду в сердце.

Наконец они пришли. Наверное, на четвертом этаже замка, в гулкой зале, с большим столом и огромным камином, мажордом остановился у больших дверей. Трижды стукнул в них тростью.

— Рыцарь Фолькоф к вам, барон! — звонко крикнул он.

— Проси, — донеслось из-за двери.

Волков подумал, что и герцог там, внутри, быстро вытер пот с лица и пошел к двери, стараясь не хромать сильно. Мажордом услужливо открыл ему дверь, хотя это и должен был делать лакей. Жестом пригласил его войти, но бесцеремонно задержал офицеров, что собирались следовать за кавалером. Те послушно остановились. Стали разглядывать гобелены на стенах. А Бертье не постеснялся, взял со стола стеклянный кувшин, потряс его и радостно общался:

— Господа, вино!

Рене, Брюнхвальд и Максимилиан ничего ему не ответили и смотрели на него осуждающе. Бертье вздохнул и поставил кувшин на стол.

Барон как увидал кавалера, встал из-за стола и развел руки для объятий, словно встретил старого друга:

— Кавалер, ну вот вы и добрались сюда. Рад вам, рад.

Они обнялись. И Волков, отстраняясь от барона, вдруг увидал на нем золотую цепь, еще более тяжелую, чем была на мажордоме. Заканчивалась цепь медалью с изображением подковы. Волков удивленно поглядел на медаль и, указав на нее пальцем, спросил:

— Обер-штаалмейстер?

Они уселись за стол.

— Да, — расплылся в улыбке барон. — Его Высочество счел, что мои старания заслуживают награды. Теперь я первый конюший двора. Но вы не волнуйтесь, кавалер, ваши старания тоже не остались без внимания. Герцог и канцлер приняли решение...

Барон замялся, немного сморщился, как от неудовольствия.

— Что? Говорите, барон, — поторопил его Волков.

— Был у вас недоброжелатель. И многое он сказал против вас.

— Это обер-прокурор, — догадался Волков, вспоминая лицо графа на суде в Хоккенхайме.

— Да, это граф фон Вильбург, дядя нашего герцога.

— И что же за упрёки он приводил?

— И то, что вы чинили несправедный суд в Хоккенхайме, и то, что вы разграбили Ференбург, и то, что вы в нелепом поединке убили лучшего чемпиона герцога.

Волков молчал, хотя ему было что сказать на каждое из этих обвинений. А барон продолжал:

— Но на все это у меня нашелся ответ, и тогда граф Вильбург высказал тезу, которую мне парировать было нечем.

— И что же это за теза?

— Вильгельм Георг фон Сольмс, граф Вильбурга, сказал, что вы рыцарь Божий и человек курфюрста Ланна и Фринланда, доброго брата нашего герцога.

Волков помолчал и спросил:

— А они что, и вправду братья?

— Да какое там! — Барон наклонился к Волкову и доверительно зашептал: — Курфюрст Ланна и Фринланда урожденный Ву-

пертадь. Это древний род из старых дюков, такой же, как и Бюловы или Филленбурги. В общем, все родовитые курфюрсты, чей род хоть раз занимал императорский трон. Ребенрее ни разу не сидели на этом троне. А имя предков нашего герцога Мален. Двести лет назад о Маленах и не слышал никто. Имя Ребенрее они носят всего сто пятьдесят лет. — Он поднял палец вверх. — Но не вздумайте это где-нибудь упомянуть, сразу наживете себе десяток влиятельных врагов.

Кавалер кивнул, и барон продолжил:

— В общем, мне нечего было ответить графу по поводу вашей преданности архиепископу Ланна. И герцог с канцлером сказали, что примут решение, поговорив с вами.

— И когда они хотят поговорить со мной? — спросил Волков, мрачней. Никогда, никогда и ничего не проходило в его жизни гладко.

— К концу завтрака, ко второй перемене блюд. То есть сейчас.

Барон встал, и Волков с трудом поднялся со стула. Ну, хоть не пришлось ждать. И то хорошо.

ГЛАВА 3

Они вышли из богатой залы и в сопровождении свиты Волкова направились к столовой герцога. Путь к ней вел через длинный балкон, что тянулся на уровне четвертого этажа замка, вдоль восточной стены. Барон не спешил, как мажордом, — видимо, из чувства такта, и Волков был ему благодарен.

Он все больше проникался расположением к этому человеку.

На балконе чем дальше они шли, тем больше им попадалось важных людей. Нобили, влиятельные горожане, придворные — они стояли группками и с интересом наблюдали за Волковым и его офицерами. Если кавалер глядел на них, то эти господа ему слегка кланялись, и он также отвечал им поклоном. А барон улыбался и кланялся всем. Видимо, знал тут каждого. Когда Волков и сопровождавшие его офицеры проходили, господа начинали шептаться им вслед. А в конце коридора так и вовсе было не протолкнуться. Там стояли молодые люди, разодетые в меха, шелка и бархат, их пальцы сверкали от золота перстней, и уже за десяток шагов до них кавалер почувствовал запах благовоний и духов. Все до единого были при оружии, у всех модные мечи с затейливыми гардами, а у многих еще и кинжалы. Эти господа на вид были столь же прекрасны, сколь и опасны. Волков служил в гвардии герцога да Приньи и хорошо знал, что это за люди. Они везде были одинаковыми. Только назывались по-разному: где-то Молодым двором, где-то просто Выездом, а кое-где Чемпионами или Ближними рыцарями. То были безземельные младшие сыновья, вечные участники рыцарских турниров, дуэлей, интриг и убийств. В общем, беспринципная, жадная свора опасных людей, которые ждут ласки

сеньора, ждут, что им выпадет удача, и сюзерен даст им землю за какое-нибудь грязное дельце, или же однажды удастся выгодно жениться. В общем, опасная сволочь. От таких господ кавалер желал держаться подальше. Он старался пройти, даже не взглянув в их сторону. Так бы все и вышло: рыцари учтиво расступались перед бароном, который, видимо, всех их знал, но внезапно один из них обратился к Волкову:

— Извините, добрый господин, но ваше лицо кажется мне знакомым. Мы нигде не встречались?

Всем пришлось остановиться, даже барону. Кавалер сразу узнал этого господина, но говорить с ним ему совсем не хотелось. Тем не менее Волков сдержанно ответил:

— Наверное, мы встречались на юге. Я провел там двенадцать лет.

— Да нет же, я там не бывал, — продолжал молодой господин. Он нахмурил брови, припоминая, и не очень-то вежливо указал на Волкова пальцем: — Вы, кажется, коннетабль из Рютте. Точно, вы служите у барона фон Рютте.

Волков не мог вспомнить имени этого господина, но помнил его лицо: оно принадлежало человеку, который когда-то приезжал в Рютте еще с двумя мерзавцами, чтобы его убить. Ему мучительно хотелось ответить дерзостью, но произнести ее не дал барон, который громко сказал:

— Господа, этот добрый человек — Божий рыцарь Иероним Фолькоф. Он прибыл сюда по приглашению Его Высочества, чтобы получить награду, что заслужил деяниями своими в Хоккенхайме.

— А, так вы тот самый ловкач, что палил баб в Хоккенхайме? — язвительно поинтересовался один из рыцарей, высокий молодой красавец в роскошном берете с дорогим пером.

Господа заметно оживились, а кавалер расценил этот вопрос как вызов. Ну а как иначе, ведь слово «ловкач» в устах этого господина носило смысл уничижительный, даже презрительный. Безусловно, это был вызов. Вот только кавалер не понимал, пытается его незнакомец проверить или хочет драться. И то и другое было возможно, от этих господ всего можно ожидать. И теперь незнакомец с вызывающей улыбкой ждал ответа.

И остальные посмеивались, с интересом ожидая, чем кончится дело. На их благородных лицах играли надменные улыбки. Но Волков

знал, что им ответить. Никогда, да благословен будь Господь, что научил его читать, никогда он не лез за словом в карман. Кавалер поглядел на того, кто задал ему вопрос, сделал к нему шаг и вкрадчиво осведомился:

— А не из тех ли вы господ, что мнят себя ведьмозаступниками?

— Что? — изумился молодой господин, только что считавший себя удачным шутником.

— Не из тех ли вы господ, что считают, что к ведьмам надобно проявлять милосердие?

Шутник молчал, он явно не ожидал, что разговор так обернется.

— А может, вы считаете, что Матери Церкви нужна реформация? — повысил голос Волков, все еще сверля взглядом молодого рыцаря. И сделал еще один шаг к нему.

— Да нет же, — промямлил тот в ответ. — Это была шутка.

— Шутка? Вы шутите над Святой инквизицией, которая спасет верующих от козней ведьм и ереси? — Кавалер оглядывался и видел, как с лиц рыцарей исчезают улыбки. С внутренним удовлетворением он продолжал, обращаясь к барону: — Горько мне видеть, что среди рыцарей курфюрста, опоры трона императора, есть люди, для которых Матерь наша Святая Церковь является объектом шуток.

— Не огорчайтесь, друг мой, — сказал барон, взяв Волкова под руку и погрозив молодым придворным пальцем, — это глупцы, повесы. Попрошу нашего герцога сделать им внушение. Распоясались. Пойдемте, пойдемте, друг мой.

Больше ни один из рыцарей не произнес им вслед ни слова.

Когда Волков и его офицеры оказались в отдельной комнате, где лакеи суетились с подносами и кушаньями, а дверь на балкон за ними затворилась, Бертье перевел дух и объявил:

— Фу, прошел между ними, словно штурм стены отбил.

— Да уж... — многозначительно сказал Рене.

— Не волнуйтесь, господа, — произнес Брюнхвальд спокойно, — кавалер Фолькоф владеет словом не хуже, чем мечом или арбалетом.

— И слава богу, а я уж думал, что дуэли не избежать, — отозвался Бертье. — Стоял среди этих господ, как будто голый среди стаи волков.

— Да уж... — повторил Рене.

А Брюнхвальд только посмеялся тихо, и его смех кавалер расценил как похвалу.

Барон тем временем ушел в обеденную залу, но тотчас вернулся и сказал важно и громко:

— Его Высочество курфюрст Ребенрее соблаговолит принять вас немедленно, кавалер.

Волков оправил одежду, сжал и разжал кулаки. Вдохнул и шагнул в столовую залу. Барон сразу зашел за ним и тщательно прикрыл дверь.

Удивительные окна под потолок пропускали в залу много света. Здесь пахло кофе — редким зельем в этих северных краях. За столом, уставленным кушаньями, сидел один-единственный человек. Одет он был на удивление просто — менее богато, чем лакей, стоявший за его спиной, и намного менее богато, чем господин в мехах, поверх которых лежала тяжелая золотая цепь. Господин в мехах и золоте читал сидевшему за столом документы ровно до той секунды, пока на пороге не возник Волков.

Чтец остановился и уставился на вошедших. Волков низко поклонился человеку, что сидел за столом. Лицо у герцога было выразительное, глаза навывкате и внимательные, а нос длинный, как у всех Ребенрее. Даже дамы этого рода не могли избежать сей характерной родовой черты. А еще эта фамилия плохо переносила оспу, болела ею тяжело. Вот и лицо герцога было изъедено этой болезнью.

— Рыцарь Божий, хранитель веры Иероним Фолькоф, коего многие заслуженно зовут Инквизитором, — представил Волкова барон.

Герцог и господин в мехах поклонились ему в ответ. Вернее, господин поклонился, а герцог выразил свою благосклонность милостивым кивком.

Барон начал расхваливать кавалера, говоря, что рыцарь принял близко к сердцу то положение, в которое попал двор, и сделал все что можно, чтобы положение сие не усугубилось.

Он говорил и говорил, нахваливал Волкова, рассказывал, что он претерпел в Хоккенхайме, а герцог тем временем встал, подошел к гостю вплотную, заглянул ему в лицо и спросил негромко:

— Так это вы убили моего лучшего рыцаря?

Барон замолчал. В зале стало тихо. И только кавалер стоял напротив герцога — лицом к лицу. Мог, конечно, начать спрашивать,

кого, когда. Но это было бы глупо и низко, словно он юлит и боится. И он ответил просто:

— На то была воля Божья.

— Божья? — На изъеденном оспой лице герцога появилась недобрая улыбка.

— Не я искал ссоры. Не я приехал к нему, — твердо проговорил Волков. — Он искал меня.

— А арсенал, что вы разграбили в Ференбурге, тоже искал вас? — продолжал улыбаться курфюрст. — А храм там же тоже вас искал?

— Раку из кафедрального собора Ференбурга я забрал по велению епископа Вильбурга. Он дал мне денег и велел собрать людей, чтобы сделать это. А арсенал города я не грабил, я отбил его у рыцаря Левенбаха, врага вашего, и рыцаря этого я убил. В моем обозе его шатер. А то, что люди мои взяли себе что-то из арсенала, так пусть лучше им достанется, чем врагам Господа, еретикам. К тому же одну пушку, отличную, новую полукартауну из хорошей бронзы через офицера вашего я предал Вашему высочеству.

Герцог обернулся к господину в мехах, и тот кивнул: да, было такое.

Курфюрст понимающе кивнул и сделал рукой жест: давайте несите сюда.

Тут же господин в мехах взял со стола подушку черного бархата, покрытую шелковой тряпицей. Сдернув последнюю, он понес подушку герцогу. Волков сначала не мог понять, что там, а потом разглядел: на черном бархате сияла роскошная серебряная цепь из красивых медалей. С гербом дома Ребенрее в конце.

— Склоните голову, — тихо сказал барон.

Волков повиновался, а герцог взял цепь с подушки и надел ее на шею кавалера. Вроде и цепь та была великолепна, и стоила только в серебре, без работы, талеров пятьдесят, но все-таки кавалер, слоняясь еще ниже в поклоне, не мог отделаться от мысли, что денег из Хоккенхайма герцог получил столько, что и на золотую мог расщедриться.

Да, золотая цепь ему очень бы пошла.

А герцог тем временем вернулся за стол и заговорил:

— Барон уверяет меня, что вы и впредь будете полезны дому Ребенрее, мой канцлер тоже так считает.

Господин в мехах опять кивнул головой, соглашаясь.

Барон взял в руку удивительную белоснежную чашку с коричневой жидкостью.

А курфюрст продолжил:

— Они полагают, что лен будет хорошей платой за ваши деяния. Готовы вы принять лен и стать моим вассалом?

— Для меня великой наградой была бы и чашка кофе из ваших рук, Ваше Высочество. А уж земля так будет для меня неискупимым долгом перед вами, — почтительно ответил Волков.

Все присутствующие, включая герцога, засмеялись.

— Что ж, раз так, то и тянуть не будем, — объявил герцог. — Канцлер уже подготовил бумаги и согласовал с нами землю, что вы получите.

Кровь зашумела в его ушах. Господи! Кажется ему это, сон это или явь? Кавалер едва не покачнулся. Не злая ли это шутка? Не издеваются ли эти господа над ним? Он растерянно глядел то на герцога, то на канцлера, то на барона. Те улыбались ласково и казались доброжелательны. Ни в чем не видал кавалер подвоха. Неужто все наяву?

Черт с ней, с цепью, пусть серебро, пусть ее совсем не будет, лишь бы не обманули с землей.

— Если вы согласитесь принять мое старшинство, мою сеньорию, — продолжал курфюрст, — то дело за малым: остается только принести присягу.

— Ваше высочество, я готов принести ее прямо сейчас, — с трудом и сипло произнес кавалер.

— Нет, кавалер, — живо возразил канцлер, — все должно быть по правилам. Для клятвы мы подготовили часовню, там, перед святыми образами, вы и будете клясться. Святые отцы и рыцари свидетели ждут нас.

— Я готов, — повторил Волков, взяв себя в руки и переборов волнение.

— Так не будем тянуть, — сказал герцог, вставая, — у нас сегодня еще много дел, не так ли, канцлер?

— Именно, — согласился господин в мехах и золоте.

ГЛАВА 4

Рак и все в этом замке, часовня была светла и чиста. И поп был чист и благочинен. И служки, и даже мальчишки из хора были благовидны. В часовне не было амвона и не было кафедры, сразу перед образами расстелили ковер, на ковре стояло кресло в цветах дома Ребенрее. Тут же перед ним лежала подушка. Народу в небольшую часовню набилось много, человек тридцать или сорок даже, разве всех сочтешь. И брат Ипполит каким-то образом сюда проник, стоял едва ли не в первом ряду, осеняя святым знаменем кавалера исподтишка. Офицеры, что пришли с кавалером, стояли в задних рядах, и он их не видел. Сам он стоял рядом с попом, который ему что-то говорил, милостиво улыбаясь — но Волков, убей бог, не понимал ни слова. То ли от духоты, что была в часовне, то ли от волнения. Он только кивал согласно и старался усмирить в себе кровь, что приливала к лицу и шумела в ушах. Но все тщетно. Разве можно быть спокойным человеку в такую минуту?

Карл Оттон Четвертый, герцог и курфюрст Ребенрее, пришел в часовню в одежде, которую можно считать официальной — в длинной собольей шубе, подбитой горностаями, поверх которой висела тяжелая и старая золотая цепь. Только он, кроме попа, был в головном уборе — богатом берете черного бархата. Впрочем, его с герцога сняли, водрузив взамен небольшую корону из золота.

Гул в часовне сразу стих, как только герцог приклонил колено пред образами, перекрестился, поцеловал руку попу и сел в свое кресло. Канцлер встал рядом. Сразу за спиной у Волкова появился человек.

Стало тихо. Поп принялся читать молитву. Читал расторопно, но внятно и хорошо. Все слушали и, где было нужно, крестились. И соглашались с попом: Амэн.

Затем красиво запел небольшой хор, и как только он стих, поп певуче промолвил, глядя на Волкова:

— Кто ты, человек добрый? Как нарекли тебя и чьей ты семьи? Говори, как перед Господом говорить будешь, без утайки и лукавства или подлости.

— Назовите имя свое, — прошептал человек, стоявший за кавалером, почти ему в ухо.

— Имя мое Фолькоф, а нарекли меня Иеронимом, — твердо, уже почти не чувствуя волнения, сказал Волков, ничего более он говорить не хотел.

— Имеете ли достоинство, что дается по рождению, или берется доблестью? — продолжал поп.

— Говорите, что вы рыцарь, — шептал человек за спиной.

— Я рыцарь Божий. Достоинство рыцарское возложил на меня архиепископ Ланна.

— Подайте мне меч свой, — сказал поп. — Пред сеньором на клятве без оружия будьте.

Человек за спиной произнес:

— Отдайте слуге Господа меч с ножнами вместе.

Волков быстро отвязал ножны с мечом от пояса и передал их священнику.

— Ступайте сюда, — пригласил его канцлер, указывая место на ковре перед троном. И он собственноручно положил подушку у ног герцога.

— Поставьте колено на подушку, — шептал человек за спиной.

Волков подошел к подушке и не без труда опустил на нее колено здоровой ноги. Теперь он стоял перед герцогом на одном колене.

— Сложите руки в молитве, — шептал человек за спиной.

Волков повиновался и сложил ладони перед собой, словно молил Бога.

Тогда герцог крепко сжал его ладони своими и спросил, громко и четко выговаривая слова:

— Скажи мне, рыцарь, перед лицом других рыцарей, и нобилей, и других свободных людей, принимаешь ли ты мое старшинство?

— Громко скажите: «Принимаю», — послышался шепот за спиной.

— Принимаю! — повторил Волков.

— Принимаешь ли мой сеньорат над собой?

— Скажите громко: «Принимаю».

— Принимаю!

— Скажешь ли ты без утайки при других рыцарях, нобилях и при свободных людях, что я твой сеньор?

— Скажите: «Вы мой сеньор».

— Вы мой сеньор, — повторил кавалер.

— Клянешься ли, что будешь чтить меня как названного отца или старшего брата?

— Повторите дословно, — шептали из-за спины.

— Клянусь, что буду чтить вас как названного отца или старшего брата.

— Клянешься, что по первому зову моему придешь ко мне конно, людно, оружно и станешь под знамя мое.

— Повторяйте дословно, — говорил человек, но Волков уже не прислушивался к нему.

— Клянусь, что приду по первому зову вашему конно, людно, оружно и встану под знамя ваше.

— Клянешься не замышлять против дома моего, людей моих, замков моих? Не служить врагам моим?

— Клянусь не замышлять против дома вашего, людей ваших, замков ваших. Клянусь не служить врагам вашим.

— Клянешься быть знанием и советом со мной? Клянешься, что не утаишь от меня знаний своих и поможешь советом своим?

— Клянусь быть знанием и советом с вами. Клянусь, что не утаю знаний от вас и поделюсь советом с вами.

— Клянешься, что будешь мечом и щитом моим?

— Клянусь, что буду мечом и щитом вашим.

— Примешь ли суд мой, как суд отца своего?

— Приму суд ваш как суд отца своего.

Герцог сделал паузу, заглядывая кавалеру в глаза, видимо, остался доволен смиренным взглядом Волкова и продолжил:

— Верую клятвам твоим, ибо сказаны они рыцарем перед рыцарями, нобилем перед нобилиями и свободным человеком перед свободными людьми. — Герцог встал. — И даю тебе в лен землю, что с юга и востока омывается быстрыми водами реки Марты и что зовется Эшбахтом. Или, как ее еще зовут, Западным Шмитцингеном. Так и будет до дня, пока держишь клятву ты.

Среди собравшихся в часовне прошел ропот удивления. Но Волков ничего уже не слышал. Он завороченно повторял про себя название своей земли: Эшбахт. Эшбахт. Как удивительно и приятно оно звучало.

— Встань, друг и брат мой, — сказал курфюрст. — Отныне пусть все зовут тебя Иероним Фолькоф господин Эшбахта. А ты будь добрым господином и справедливым судьей людям Эшбахта. — Он помог Волкову встать и церемонно расцеловал его в обе щеки, после чего громко проговорил, обращаясь к собравшимся: — Господа, перед вами Иероним фон Эшбахт.

Люди зашумели, Бертье звонко и неподобающе громко для церкви кричал «Виват». Но кавалер не слышал больше ничего.

Не слышал он и хора, что запел «Осанну» по такому случаю, и как громко, почти над головой ударили колокола в его, видимо, честь. Он почти не отвечал на поздравления, только стоял истуканом и улыбался, изредка кивая. И повторял про себя всего одну фразу: «Иероним Фолькоф фон Эшбахт. Иероним Фолькоф фон Эшбахт». Как удивительно и красиво теперь звучало его имя.

Он очнулся от своего чудесного забытья, когда стоял уже во дворе замка, окруженный своими и чужими людьми, среди которых все еще было много вельмож и все тех же рыцарей Молодого двора. Один из молодых придворных кричал ему:

— Послушайте... — он явно хотел польстить Волкову, — Эшбахт, с вашей стороны было бы невежливым не устроить пир!

Остальные, особенно молодые рыцари Выезда, громко поддерживали предложение своего товарища.

Волков кивал, хотя страшно не хотел ни тратить, ни пировать с этими господами, он для вида соглашался, но тут же выставил свои условия, раз уж у него была такая возможность:

— Добрые господа, прошу заметить, что вино и пиво на пиру подаваться не может.

— И что ж это за пир без выпивки? — удивлялись вельможи и рыцари.

— Господа, господа, — кавалер назидательно поднял палец, — пост, господа, не будем про него забывать. Пост. Надеюсь, что среди нас нет таких, кто ради радостей мирских готов рисковать бессмертной душой? — Лица господ рыцарей сразу стали кислы. А Волков беспечно продолжал: — Думаю, что хорошие бобы с луговыми травами, репа и нежирный сыр будут уместны за столом даже в пост, или... — Он оглядел собравшихся. — Или я клянусь, что устрою настоящий пир с вином и медом, и самыми дорогими кушаньями, но только после поста.

— Уж лучше дождемся конца поста, — разочарованно соглашались придворные. — Репу да бобы пусть мужичье жует.

Тут как нельзя более кстати явился слуга и сообщил Волкову, что его ожидает канцлер, чем избавил кавалера от продолжения этого неприятного разговора с этими неприятными людьми.

Лакей, в отличие от мажордома, шел не торопясь, чтобы господин Эшбахт не морщился на каждой высокой ступени замка. Он привел Волкова к большой зале, в которой находился огромный стол и стеллажи с книгами. Там его ждал человек в мехах и золоте, которого звали Рудольф фон Венцель фон Фезенклевер, канцлер его высочества. Правда, меха он снял, оставив на себе только золото. Он, несмотря на ранний час, уже поигрывал вином в высоком стакане. И, увидав кавалера, заговорил, причем тон его был скорее деловой, чем приятельский:

— Проходите, Фолькоф. Вина?

— Нет. Спасибо.

— Ну и прекрасно. — Он жестом предложил Волкову пройти к огромному столу, что тянулся вдоль всей залы.

На столе расторопный молодой человек раскладывал карту.

Постучав по карте ладонью, фон Венцель произнес:

— Все это земля нашего господина, она обширна и местами богата. А вот и ваша земля, — он ткнул в самый край карты перстом в хорошем перстне.

О, это было самое интересное, что только могло быть. Кавалер стал разглядывать свою землю.

— Ваша земля обширна так, как обширно не всякое графство, — продолжал канцлер. — Смотрите, — он водил пальцем, — с севера на юг миль тридцать, день пути всадника. А с запада на восток полдня, не меньше, ну или чуть меньше...

— Мои владения огромны, — негромко произнес Волков, разглядывая карту с замиранием сердца. — Не знаю даже, как и отблагодарить сеньора.

— Вам обязательно представится возможность это сделать, — заверил его фон Венцель, глядя на кавалера едва ли не с усмешкой, и невозмутимо продолжал: — Владения ваши с востока, через реку Марту, граничат с Фриландом. Герцоги Фриланды семьдесят лет самонадеянно считают вашу землю своей и называют ее Западный Шмитценген.

Волков глядел на канцлера удивленно, и тот, заметив удивление, опять усмехнулся.

— Река по низине поворачивает на запад, огибая вашу землю с юга, за ней, — канцлер сделал паузу и опять пальцем в перстне стал стучать по карте, — за ней свободные кантоны. Горцы.

— Еретики! — догадался Волков.

— Да, свободные кантоны стали прибежищем всем безбожникам, но и праведные люди там тоже живут.

Волков стал, кажется, догадываться. Не могло быть все гладко. Не могло! Ну, а с чего бы ему в лен дали такую большую землю. Столько лет он пытался убежать от войны, стать помещиком, или бюргером, или... да кем угодно, лишь бы больше не видеть оружия. Но его тянули и тянули назад — на коня и в доспехи. Его настроение сразу ухудшилось, и он спросил мрачно:

— И моей земле придется быть аванпостом на юге?

— Ни в коем случае, — твердо сказал канцлер, — слышите, ни в коем случае вы не должны враждовать с кантонами.

У кавалера камень упал с сердца. И он уточнил:

— То есть мне не придется воевать?

— Только не с соседями. — Канцлер положил руку ему на плечо. — Дом Ребенрее воюет двадцать лет, еще отец нашего сюзерена начал воевать, помогая императору сначала в южных войнах, а потом в войнах с еретиками. Дом оскудел, и если все пойдет хорошо, то герцогу удастся расплатиться с долгами только через одиннадцать лет. И, дорогой мой Эшбахт, самое меньшее, что нам сейчас нужно, так это то, чтобы какой-то вассал устроил нам новую войну с кантонами. Надеюсь, вы меня поняли?

— Я сам устал от войн, — признался Волков. — И давно мечтаю хоть немного пожить в мире.

— Хоть немного пожить в мире, — задумчиво повторил фон Венцель. — Да-да. О большем я и просить вас не смею, — улыбаясь, произнес канцлер.

ГЛАВА 5

— **К** запада от вас проживают два барона и несколько мелких владетелей, люди все хорошие, верные слуги нашего герцога. Один из них мой старший брат Георг фон Фезенклевер. Он будет рад хорошему соседу. Ну а на севере от вас земли графа фон Малена. Кстати, ваша земля входит в его графство. В случае войны сбор ополчения проводит он, он же и дает вам оценку. Добрейший старик, хлебосольный, но первый раз постарайтесь предстать пред ним бравым и во всей красе, очень уж он любит рыцарей, и чтобы послуживцы у них были добрые, и кони, и доспех. Если есть возможность, прибудьте к нему в полном копье, он возлюбит вас как сына, тем более что с родными сыновьями у него долгие распри.

Кавалер понимающе кивал: он мог собрать полное рыцарское копье сам, выступая рыцарем. Хотя рыцарским копьем как оружием он не владел вообще. И не пробовал никогда даже. Коней, доспехов и оружия у него хватало. Вот только мужик Ёган никак не тянул на боевого послуживца, как и Сыч, разве что с Максимилианом сошел бы за второго оруженосца, но кто их будет проверять, если войны не предвидится. Все будут в хорошем доспехе, на хороших лошадях, с хорошим оружием. Как говорится, он прибудет к графу конно, людно и оружно. Четыре закованных в латы всадника — это, считай, копье.

— Но это только для показа? — уточнил Волков.

— Только для показа, покажитесь графу во всей красе — и все, — подтвердил канцлер. — До графа, как и до вас, доведены пожелания герцога: хранить мир всеми силами.

Кавалер кивнул. Это его устраивало. Но на всякий случай он уточнил:

— А не будут ли злы соседи, не будут ли покушаться? Вы говорили, что Фринланды считают эту землю своею.

Канцлер поглядел на него, как глядят на дитя неразумное, вздохнул и произнес:

— Дорогой мой Эшбахт, скажу вам честно, будь ваша земля богата, так иссушили бы они нас своими придирками. А ваша земля небогата, хоть и обширна. Пашен в ней мало, лугов и покосов немного, лесов тоже немного. Так что вспоминают они о ней больше для острастки в переговорах, чем по делу. Не волнуйтесь, никто на вас не покусится.

Вот так новость. Он не нашелся что сказать. Вот так вот. Земля у него обширна и бедна. Волков сначала даже расстроился, услышав это, но тут же одумался. Да как бы бедна она ни была, всяко и пашни есть, и луга, и леса, хоть всего этого и немного, но не отказываться же. Ничего-ничего, он хозяин рачительный, всегда был таким. Он и из малого сделает хорошо. Лишь бы... Да-да, самое главное он чуть не упустил!

— А мужики там в крепости есть? — быстро спросил Волков. — И сколько их?

— Все в крепости, — ответил канцлер, но каким-то странным тоном, вроде даже отвернулся от кавалера. — Но сколько их, я сказать не берусь. Семь лет назад и пять лет назад еретики из кантонов дважды ходили на Мален и со второго раза взяли его. И ходили через вашу землю. А потом там чума прошла немилосердно, а прошлый год так и вовсе дождями все смыло, там вдоль реки, по востоку вашей земли, болота стояли. И сколько там сейчас мужиков живет, не знаю. Поедете и посчитаете.

Волков был человеком недоверчивым. Столько раз его обманывали, уж научился. Кавалер мало-помалу стал распознавать лицемерие, ложь или недосказанность, и теперь он чувствовал, что канцлер ему не говорит правды.

— А отчего же у этой земли нет хозяина? — спросил он резко.

— Так был один человек. Дали ему лен три года назад. Звал его граф на смотр, не приходил. Говорил, что болен. А когда два года назад начался мятеж в Ференбурге, который надобно было усмирить, его позвал герцог. Да только он опять не пришел, сказал, что коня у него нет. Герцог и граф ему сказали о неудовольствии, а у него как раз и жена погибла, так он и вовсе бросил лен и уехал за реку, на юг, к еретикам подался.

Волков понимающе кивал и, когда канцлер закончил, спросил:

— Значит, земля моя небогата?

— Дорогой мой Эшбахт, отчего же ей быть богатой, если земля ваша — это предгорья. Камень повсюду, овраги от весенних вод. Но доход она может давать, всегда давала, хоть и небольшой.

Вот теперь канцлер, кажется, не врал. Небольшой так небольшой. Пусть так, решил Волков. Он был уверен, что справится, он не боится трудностей, он готов взять эту землю. Лишь бы мужички имелись. Тем более что если там когда-то был хозяин, может, и замок какой-никакой от него остался.

— До города Малена отсюда полтора дня пути, а от него еще полдня и граница ваших владений, — продолжал канцлер. — В Малене найдите имперского землемера Куртца, он поедет с вами и покажет вам всю вашу землю.

— Имперский землемер? — удивился Волков.

— Именно, все земли империи, что граничат с соседними государствами, всегда показывает имперский чиновник. Чтобы не было лишних споров и конфликтов с соседями. Императору, как и нашему герцогу, совсем не нужны сейчас лишние войны. Поэтому ваши владения вам и покажет имперский землемер. Вот письмо для него.

Канцлер протянул кавалеру свиток.

— А это вам, — он протянул Волкову еще один свиток, только с печатью и лентой, — это вассальный пакт, подтверждающий ваше владение землей.

Волков с поклоном взял свиток.

— Вы уже вписаны в реестр земли Ребенрее как землевладелец. И в вассальный статут нашего курфюрста. Езжайте, друг мой, владейте соей землей и помните главное: меньше всего сейчас дому Ре-

бенрее нужны новые войны. Храните мир с соседями, какими бы они ни были. Кстати, будете в Малене — посетите епископа Маленского, отца Теодора. Предобреший человек. Передайте от меня поклон.

На том дело было кончено. Иероним Фолькоф, рыцарь Божий и господин Эшбахта, забрал у канцлера свои бумаги, письмо к имперскому землемеру и откланялся. Вышел из залы и еще постоял рядом с дверью, перечитывая свой пакт и рассматривая печати. И был, кажется, поначалу всем доволен. Но потом задумался.

Брюнхвальд и все остальные очень хотели знать, что делал кавалер у канцлера так долго, но Волков сел на лошадь молча и всю дорогу до трактира был задумчив.

Никто его тревожить не решился, и только когда он уселся внизу в общей столовой, а не пошел к себе в покои, Брюнхвальд отважился его спросить:

— Кавалер, отчего вы так задумчивы?

Волков положил пред ним на стол свиток, мол, читайте.

Брюнхвальд взял его с благоговением, прочел внимательно и сказал:

— Так отчего же вы грустите? Получи я такой свиток, я бы благодарил Бога до конца своих дней.

Офицеры Рене и Бертье брали свиток и тоже читали, даже монахи и Максимилиан заглядывали им через плечо, желая знать, что там написано. Все были в восторге.

— Дьявол, что нужно сделать, чтобы получать лен? Я готов на все! — заявил пылкий Бертье. — Да вот до сих пор случая не представилось. Ни разу мне никто такого не предлагал.

А вот серьезный и взрослый Рене молчал и шевелил губами.

— Так чем же вы огорчены? — недоумевал Брюнхвальд, садясь за стол напротив Волкова.

— Ничем, добрый друг мой, ничем, просто задумчив я, — отвечал Волков, — отчего же мне грустить, разве от того, что земля моя велика, но небогата, оказывается, так пусть, мне много и не надо.

— А найдется ли на вашей земле место, где я мог бы поставить сыроварню, и выпас, где я мог бы пасти коров? На выгодных для вас, кавалер, условиях, конечно, — спросил Брюнхвальд.

— Сыроварню? — удивился Волков.

— Вы же знаете, что я женился недавно, и жена моя Гертруда держит сыроварню в городе Альк, — пояснил Брюнхвальд, — вы ж знаете мою жену?

— Конечно, конечно, знаю.

— В городе после суда люди ей больше не рады, — вздохнул Брюнхвальд, — поэтому мы решили продать сыроварню и уехать. Думали переехать в Ланн, там и поставить сыроварню, но глава цеха сыроваров Ланна сказал, что за вступление в цех нужно будет внести в цеховую казну пятьсот сорок талеров и платить им десятину. И это не считая городских налогов и налогов церковных. В общем, я подумал, что вы, может, не будете против, если я поставлю сыроварню на вашей земле и арендую у вас выпас для десятка коров или, может, дюжины...

Волков помолчал немного и, видя, что Брюнхвальд, да и Рене с Бертье тоже ждут его ответа, сказал:

— Друг мой, сегодня Бог щедр ко мне, почту за честь помочь вам. Я рад, что вы поедете со мной.

— Человек, — звонко крикнул Брюнхвальд, — вина нам! Немедля!

— Ах, как это здорово, господа, — говорил Бертье. — А что же нам с Рене делать?

Волкову захотелось сделать что-то и для этих офицеров хорошее, и он произнес:

— Господа, с сего часа считаю, что контракт ваш закончен, вы и ваши люди свободны от обязательств передо мной. Забирайте провиант, все бобы и весь горох, остатки солонины, там еще бочонок свиного сала жира есть... Муку тоже забирайте, и соль. Это вам подарок от меня, вы свободны. Этого вашим людям должно хватить на две недели.

— О, это очень щедро, — сказал Рене и поклонился. — Нам это точно не помешает. Наши люди будут вам благодарны, господин кавалер. Храни вас Бог.

А Бертье вдруг фыркнул весело и, кажется, раздраженно, схватил Рене за рукав и потащил его прочь. Они стали в темном углу,

и молодой Бертье принялся о чем-то горячо говорить Рене, безжалостно тыча ему в живот пальцем. Тот смотрел на него, молчал, внимательно слушал и пытался отвести от себя палец товарища.

На стол расторопный лакей поставил уже кувшин с вином и стаканы. Появилась и Агнес, она, не спрашивая разрешения, села рядом с Волковым, совсем близко к нему, неуместно близко, и опять же без разрешения взяла свиток. Прочла и положила его на стол.

— И что, не порадуешься новости такой? — спросил у нее кавалер.

— Так то для вас новость, — отозвалась девушка с улыбкой и свысока глянула на своего господина. — А для меня и не новость это. Всегда про то знала наперед.

Пока Волков смотрел на нее удивленно, она потянулась за стаканом с вином и рукой своей как бы невзначай оперлась на его бедро. Так не всякая жена ведет себя с мужем. И все это при людях его, при Ёгане, Сыче, Максимилиане и монахе, что все еще стояли у стола. Может, и не видели они этого, но Волков ее руку со своей ноги скинул без всякого почтения. Чтобы не думала себе ничего.

А она только засмеялась и стала пить вино, глядя на него поверх стакана. И все вокруг видели, какая она стала: и злая, и смелая, и даже красивая.

Волков глядел на нее и удивлялся про себя. И не замечал он изменений этих прежде. Нищенская худоба ушла. Губы полны, красны. И грудь под платьем заметна стала. Волосы чисты и ухожены, уложены затейливо под богатым чепцом. Да и не чепец это, а дорогой гребень под шелковым шарфом. Последнее время она вся сделалась заметно круглее: добрая еда у господина, хорошая одежда, уход — все красило ее. Даже косоглазие, кажется, стало менее заметным. Откуда только взялась вся эта приятность в ней.

Пока он глядел на нее удивленно да думал о ней еще более удивленно, Бертье и Рене договорились и подошли к столу. И Бертье заговорил, как всегда горячо и быстро, отчего его акцент стал еще более заметен:

— Кавалер! Мы с моим другом Арисбальдусом Рене договорились вас просить.

— О чем же, господа? — спросил Волков, горячо надеясь, что денег они у него просить не будут.

— Раз ротмистру Брюнхвальду вы предоставляете землю под сироварню, значит, дозволите и дом поставить на своей земле.

— Ну а как же женатому человеку без дома? Дом ему обязательно нужен, — заметил кавалер.

— А может, и нам позвольте у вас жить, домов у нас нет, ни у меня, ни у Рене. Может, и мы в земле вашей дома поставим? И мы будем добрыми соседями Брюнхвальду.

— Глупцом нужно быть, чтобы отказаться от двух хороших офицеров, — обрадовался кавалер, что у него не попросили денег. И от радости сам предложил: — Господа, коли пойдете жить в мою землю, возьмете и вы, Карл, и вы, господа, камня, глины и леса столько, сколько на добрый дом идет, и все бесплатно, коли есть все это в моей земле.

Рене и Бертье переглянулись, а Брюнхвальд и вовсе рот раскрыл.

— Так вы не шутите, кавалер? — уточнил Бертье.

— К дьяволу, какие еще могут быть шутки, — ответил за Волкова неожиданно разгорячившийся Брюнхвальд. — Кавалер никогда так не шутит.

— Тогда выпьем, господа! — заорал Бертье, стащил с головы шляпу и подкинул ее к потолку.

Они кутили до позднего вечера, и музыканты играли уже из последних сил, а стол Волкова был залит вином, так как не раз на него опрокидывали кувшины и стаканы пьяные руки, которые пытались обнять кавалера. Рене орал песни, хлопая пьяного Брюнхвальда по плечу, и даже монах брат Ипполит был изрядно навеселе. Пьяный Арисбальдус Рене тыкал пьяного Волкова в грудь пальцем и непрерывно повторял: «Вы очень хороший человек, господин Фолькоф».

Тут в трактир вошли два господина. То были рыцари из Выезда герцога, молодые и бедные. Один из их сразу заметил веселье и, указав на стол, за которым сидели господа офицеры и новоиспеченный помещик, сказал:

— А не тот ли это святоша, что отказал нам в пире, сославшись на пост?

— Точно, это он, хитрый мерзавец, — ответил второй. — Он еще предлагал нам подождать до конца поста. Сам, видимо, не дождался.

— Пойдем-ка к нему, — шепнул первый.

Они двинулись к столу, и непонятно было, то ли они хотели погулять, то ли затеять ссору. Однако Волков уже встал из-за стола, веселая Агнес и Ёган с Сычом помогли ему подняться и повели его по лестнице в покои. Кавалер неумело пел ту же песню, что пел Бертье, и он так и не узнал, чем в тот вечер все закончилось.

Агнес и Ёган довели господина своего до покоев, Ёган дверь открыл и хотел пройти внутрь вместе с хозяином, но Агнес вдруг до рогу ему перегородила. И сказала:

— Ступай, я сама.

— Так я его уложить... Пьян он, — начал было слуга, но девица как рывкнет на него:

— Вижу, что пьян. Сказала же, сама!

И глядит на Ёгана, а из глаз злоба такая, что обжечь может.

Он и побоялся перечить.

Агнес закрыла дверь на ключ, но господина не удержала. Попробуй удержать в одиночку такого здоровяка. Кавалер упал с грохотом на пол и забурчал что-то пьяно. А девица залилась смехом. И вправду смешно было. Кое-как, с трудом подняла его да дотащила до кровати, на которую он повалился навзничь. Агнес встала рядом. Щеки горят, дышит часто, на него смотрит. А потом взялась все свечи к комнате поджечь и, пока поджигала, платье с себя скинула. И башмачки сафьяновые. И нижнюю рубаху скинула, и волосы освободила. Теперь вся одежда валялась по комнате. Как свечи были зажжены, так она нагая и простоволосая подошла к кровати. Не без труда перевернула господина своего на спину, залезла, рядом с ним стала на колени. В лицо ему стала смотреть. И все нравилось ей в нем, ничего, что пьян, что вином разит, ничего, ей он и такой по нраву. Она хотела уже лизнуть его лицо, да вдруг в колене больно стало. Она опустила руку: что там под коленом? И вытащила на свет ключ. То не простой был ключ, он выпал из кошельа господина. И был тот ключ от заветного его сундука. От этого она в лице

изменилась сразу, уж и румянец почти спал со щек. Она то на господина поглядит, то на сундук, что стоял в углу, в темноте за кроватью. И решиться не могла. И тайные страсти разрывали девицу. Не знала, что выбрать.

И так сидела она и сидела, но все-таки решилась. Господин, конечно, ей интересен был, волновал ей кровь, хотя и злил ее изрядно, но... Не сегодня...

Она сползла с кровати и села у сундука. Легко отперла его и не без труда подняла крышку. Заглянула внутрь, поднеся к сундуку свечу. Там, на дне в темноте в незавязанном, расползшемся кошеле мерцало желтым золото. О, она очень любила золото, может, даже больше, чем почести и уважение, и в другой раз не удержалась бы, но не сейчас. Девушка запустила руку в темноту и с замиранием сердца нащупала там благородную нежность бархата. Да, да, да... Это было именно то, что она искала. Чего она вожелела больше, чем своего господина. Она потянули из сундука тяжелый мешок синего бархата. Вытащив его, вытряхнула на перину рядом со спящим кавалером голубоватый шар, уселась поудобней, взяла шар в руки. Дураки считали, что он холодный, нет, он был теплый. Дураки говорили, что от него тошнит, если в него глядеть, а у нее от этого только приятно кружилась голова. Она даже не взглянула больше на господина своего, что спал рядом. Ее плечи передернулись от приятных мурашек, и она заглянула в шар. И начала улыбаться.

ГЛАВА 6

И секунды Волков не сомневался, что мошенник ему врет. А тот не отступал, делал серьезное лицо и говорил:
— Господин хороший, да как же так: наели, напили и теперь платить не хотите.

— Талер сорок два крейцера? — в который раз спрашивал кавалер. — Что ж мы ели у тебя? Чего в твоей дыре можно наесть на талер и сорок два крейцера?

— Так вы пили много, руки устали вам вино носить, вы-то ушли, а ваши дружки да гости требовали и требовали вина. Едва к утру разошлись. У меня уже спину ломит, а ваши все кричат: трактирщик, вина тащи. И вино все лучшее просят. А я им говорю: господа, ночь на дворе, вы за выпитое еще не заплатили, а они угрожать, звали меня по-скверному и всё требовали вина. А я людишек-то своих отпустил и носил вино сам, а у меня спина болит, думаете, моей спине полезно в погреб и обратно по десять раз за ночь лазить. У меня спина...

— Заткнись ты со своей спиной, — морщился Волков, закрывая глаза ладонью. Его не отпускало ощущение, что голова вот-вот лопнет. — Вино твое — дрянь, от него помереть можно. Не может оно столько стоять.

Он зажмуривается. А глаза у него все равно болят. Лучше бы пиво вчера пили, и голова бы не так болела, и денег этот мошенник просил бы в два раза меньше.

Вошел Ёган, бесцеремонно отодвинул трактирщика и поставил пред господином чашку с густым супом и кружку.

— Ешьте, поможет, — обещал он и пояснил: — Похлебка, говядина с чечевицей и пиво. Враз оживете.

Волков нехотя взял ложку.

— Господин хороший, — загнусавил трактирщик, — ну так как же насчет талера и сорока двух крейцеров?

— Заплачу, уйди, — простонал Волков.

А Ёган стал выпихивать трактирщика из комнаты, приговаривая:

— Иди, дядя, иди, не доводи до греха, хозяин мой добрый-добрый, а осерчает — так даст, что голова прочь отлетит.

— А деньги? — ныл трактирщик.

— Будут тебе деньги, потом, иди пока что.

Выпроводив трактирщика, Ёган запер дверь, подошел к столу и сказал со знанием дела:

— Вы похлебку-то кушайте и пиво пейте, иначе не отпустит.

— А кто у меня был ночью? — спросил кавалер и, собравшись с силами, сделал два больших глотка из кружки.

— Был? У вас? — удивился Ёган.

Но так фальшиво, что Волков сразу заподозрил неладное. Хоть и больной, но все видит.

— Наблевано возле кровати, — произнес Волков.

— Так, может, это вы, — говорил Ёган, стараясь не смотреть на кавалера.

А тот так и сверлил слугу больными глазами. И ведь не отвернется, не поморщится, так и смотрит. Глаз не отводит.

— Кому ж, кроме вас, — добавил Ёган нерешительно.

— Дурак! — рявкнул господин и тут же поморщился от приступа боли в голове. Переждав ее, продолжил: — Дурак! Говорю, со мной такого не было с детства, как в лучниках пить начал, так не было такого. Говори, кто был у меня ночью?

— Может, Агнес была, — нехотя ответил слуга.

В это «может» Волков опять не поверил. Не умел Ёган врать.

— Агнес была тут ночью?

— Да, вроде, — сказал Ёган и начал подбирать с пола вещи господина.

Хоть и было ему тяжело, кавалер все же нашел в себе силы подняться, сразу отыскал кошель свой, достал из него ключ и двинулся к сундуку, переступая через наблеванное. Раскрыл сундук и только тогда успокоился, когда обнаружил шар на своем месте. Заодно и золотишко проверил. На глаз, так и оно было целым.

Пошел за стол, сел, еще выпил пива. А Ёган на него косится и вроде как даже доволен, чертяка, что господин волновался. Радуетса про себя.

— Как пьян буду, — выдавил из себя Волков, — так до меня ее не пускай. Понял?

— Да попробуй ее не пусти, — кисло отвечал слуга.

— Бабы боишься? — заорал вдруг кавалер, опять поморщился от боли, но не унялся, и продолжил орать: — Да не бабы боишься, девки, что от тебя в половину будет.

— Да не баба она и не девка, сатана она злобная, — вдруг забубнил слуга, — и не я ее боюсь, а все ее боятся. Один вы, от глупой храбрости своей, ничего не боитесь, видно, всю боязнь вам на войнах вместе с головой отбили, и не видите, что она демоница злобная, ведьмица ... Погубит она вас. Она же ...

— Заткнись! — зашипел на него Волков и грохнул кулаком по столу. — Прикуси язык, дурак деревенский. Раскудахтался! Чтобы слов таких я не слышал. Сам подлец, трус, так хоть других не пугай. Пошел вон отсюда.

Ёган подошел к двери и упрямо произнес:

— Бедой от нее несет, как от падали тухлятиной. Вы, может, и приняхались уже, а другие-то чувствуют.

— Убирайся! — зло сказал Волков. — И язык свой прикуси.

Прежде чем выйти, слуга добавил:

— Господа офицеры вас с утра дожидаются. Сказать им что?

— Умываться неси, — все еще не по-доброму велел кавалер, — и одежду чистую.

То ли пиво подействовало, то ли похлебка, а может, и просто здоровье его крепкое, но через полчаса кавалер спустился вниз вполне бодрым и в чистой одежде.

Господа офицеры встали из-за стола, когда он пришел к ним. Брюнхвальд был зелен лицом, а Бертъе грустно морщился, словно проглотил что-то невыносимо кислое. Только немолодой уже Рене

был свеж и подтянут, словно и не пил вчера. Он и начал разговор после взаимных приветствий:

— Кавалер, поутру мы сказали своим людям, что вы им от щедрот своих передали все продовольствие, что есть у вас в обозе. Они были превелико рады, благодарят вас.

Волков этим словам ротмистра удивился. Он этого припомнить не мог. Неужто он отдал три телеги продовольствия за здорово живешь? Но удивился он про себя — все равно обратно ведь не попросишь. Поэтому продолжал слушать.

— И когда мы людям нашим сказали, что вы даете нам землю под дома бесплатно, — продолжал Арсибальдус Рене, — и обещаете помощь, наши люди собрались, поговорили и решили спросить вас, а не будет ли на вашей земле еще места и для них?

— Земля моя огромна, — ответил Волков, поразмыслив. Вообще-то он был не против, чтобы хорошие солдаты поселились в его владениях. Вот только... — Но сколько их? Если много, я вряд ли...

— Порядочно, — сказал Рене. — Те солдаты, что имеют семьи и дома, решили идти к себе, воевать вроде никто из здешних господ не собирается, работы нам нет, а те, кому идти некуда, просят у вас дозволения жить на вашей земле.

— Так сколько же их, сколько? — не мог понять Волков.

— Сто двадцать шесть человек, — проговорил Рене и тут же, словно испугавшись такой большой цифры, стал Волкова заверять: — Люди все очень хорошие. Послушные, смиренные, лодырей и воров мы никогда не держали, — он кивнул на Бертье, — Гаэтан не даст соврать. И солдаты крепкие, арбалетчики есть и аркебузиры.

Сто двадцать человек солдат?! Нет, нет и еще раз нет! Это пусть господа ротмистры кому другому про смиренных и послушных солдат говорят, но уж точно не ему. Волков знал, что смирение и кротость солдат длятся совсем недолго. Тяжело быть кротким, когда тебе хочется есть, а нечего, и когда у тебя на поясе тесак, которым ты умеешь — и, главное, не боишься — пользоваться.

Он прекрасно помнил свою молодость, и как на юге солдаты из его баталии, взбешенные трехмесячным отсутствием жалованья, на алебарды подняли собственного капитана, про которого думали, что он зажимал их деньги. Да еще отрубили пальцы сержанту, что

пытался их остановить. Капитана раздели и бросили в канаву собакам. Его палатку и личные телеги разграбили. Денег, правда, не нашли, но не сильно расстроились, тут же выбрали из ротмистров нового капитана и нанялись служить новому господину.

Нет, столько ратных людей ему точно было не нужно, и он сказал:

— Я бы рад всех ваших людей взять себе в землю, да только сказали мне, что земля моя скудна, и помочь я ничем им не смогу. Не смогу дать им ни ремесла, ни прокорма с земли. Если вам, господа, я обещал, что все что нужно для постройки дома вы возьмете из земли моей бесплатно, то на такую ораву мне может и не хватить.

— Так им ничего и не нужно, — почему-то обрадовался Рене, — они сами себе все соберут и соорудят, и инструмент у нас есть, и умение. Только дозволение жить на вашей земле надобно.

Волков глянул на других господ офицеров. Бертье, хоть и невестел был от болезни, согласно кивал, и Брюнхвальд вроде был не против. Ну как тут было отказать.

— Скажите людям своим, что я строг, — решил припугнуть он. — И шалостей в своей земле не допущу.

— Так все про то знают, — заверил его Арсибальдус Рене, — все знают, что нрав у вас нелегок. Но все знают, что вы добры и честны.

«Дурь какая-то, — подумал кавалер, — кто это думает, что я добр?»

Но иного ответа, как согласие, он дать уже не мог, Рене и Бертье откровенно радовались, и даже Карл Брюнхвальд улыбался.

— Скажите людям своим, что дозволю я жить им на своей земле, — произнес Волков, уже о дозволении своем сожалея.

И тут он понял, что господа кроме дозволения его ждут еще кое-чего, и крикнул лакею:

— Эй, человек, подавай сюда завтрак!

Все три ротмистра — и Рене, и Бертье, и Брюнхвальд — сразу оживились и обрадовались, услышав его слова.

Хоть он и поел похлебки, но от хорошего мягкого козьего сыра и меда не отказался, да и от яиц с белым хлебом тоже, и господа офицеры не отставали. Болезнь болезнью, а в дорогу нужно поесть.

А тут появилась и Агнес. Куда только служанка ее смотрела: платье в пятнах, видно, и рубаха под ним скомкана, сама бела как мел,

волосы нечесаны, вокруг глаз круги и так черны, словно углями их рисовали, губы серые и сама подурнела. Пришла, села на край лавки, как всегда, позволения не спросив. Господа офицеры чинно встали, кланялись, а она и не глянула на них. Они поулыбались, глядя на цвет ее лица, да продолжили завтрак, а она тоже есть попыталась. Взяла хлеб да сыр: нет, не пошло. Подумала молока попить, но тоже не по нраву оно пришлось. Сидела, поджав губы. На весь свет в обиде.

И тогда кавалер ее позвал к себе, поманил пальцем. Нехотя встала, подошла, спросила:

— Ну?

— Что делала в покоях моих? — шепотом и зло спросил он.

Она глянула на него устало и ответила хоть и тихо, но предерзко:

— Спала, а что ж там еще делать.

— Доиграешься, дрянь, — бледнея, сказал он, — ох, доиграешься. — Пальцем по краю стола постучал: — Выпей пива, поешь и собирайся. Как колокола от заутренней прозвонят, так чтобы в карете была. Едем.

— Куда?! — воскликнула девушка.

— В Мален, — зло ответил ей кавалер.

— Не могу я, дурно мне, хворая я, — заныла Агнес, — мне суп служанка варит, мне ванну лакей готовит, воду греет. У меня рубах чистых нет.

— В грязных поедешь! — рявкнул Волков. Господа офицеры да и прочий люд, что был в трактире, изо всех сил старались не смотреть в их сторону, уж больно страшно орал кавалер. — Без ванны и без супа! И как заутреня отзвонит, чтобы в карете была, иначе, клянусь распятием, поднимусь к тебе в покои и провожу до кареты плетью. Слышала? Отвечай!

Агнес завыла протяжно, запрокинула голову к потолку, слезы потекли из ее глаз. Очень ей было обидно, что господин так с нею при людях говорит, и побежала в свои покои. Злиться, рыдать и собираться.

ГЛАВА 7

Уже ближе к вечеру Карл Брюнхвальд ехал со своим сыном впереди Волкова и на небольшом подъеме поравнялся с громадной телегой, что везла здоровенные корзины с древесным углем. Карл спросил у мужика-возницы, указывая на юг плетью:

— Человек, а не город ли там, что зовется Мален?

— Именно, господин. — Мужик оглянулся, поклонился и, увидав пеших и конных людей во множестве, да еще с обозом и каретою, повернул свою телегу на обочину, уступая дорогу. — Мален и есть, господин, Мален и есть.

— А не пожар ли там? — спросил у него Максимилиан, разглядывая дым над городом.

— Да нет, — мужик засмеялся, — то кузни. Мастерских там много, все чадят, вот издали, когда ветра нет, так и кажется, что пожар. А так не пожар, нет. Вот я им, опять же, уголек везу.

Город Мален был сер — то ли сумерки так легли, то ли и вправду сажи на домах хватало. В общем, Волкову город не приглянулся, хотя все отмечали, что лачуг тут нет и нищих на улицах не видеть. Но вот что мостовые в городе покрыты золой, а стены копотью — то, опять же, все видели. Солдаты остались за городской стеной с Бертье лагерь разбивать, а все остальные, расспросив местных, нашли добрый трактир и в нем встали. Звался он нехорошо: «У пьяной монашки». Но был чист, и лакеи в нем оказались опрятны. И конюшня, и двор были просторны.

Не успел кавалер поглядеть для себя покои, спуститься к столам и заказать ужин, как в трактир вошли люди при броне и железе, на-

верное, стража местная, и старший из них, по виду офицер или сержант, вежливо спросил у господ, кто из них будет главный.

— Я буду, — произнес Волков, заглядывая в тарелку с сыром, что ставил перед ним трактирный лакей, — я Иероним Фолькоф, рыцарь Божий. А что нужно вам?

— А не ваш ли отряд из добрых людей разбил лагерь под стенами города?

— Мой, — не стал отрицать кавалер, беря принесенную кружку пива.

— А позвольте спросить вас, куда двигаетесь вы и ваш отряд?

— Да кто вы такой и отчего вы изводите нас своими вопросами?! — возмутился Брюнхвальд.

— Я офицер стражи Шмидт и прибыл по приказу капитана городской стражи узнать, отчего по графству ходит большой отряд солдат.

— Так передайте своему командиру, что кавалер Иероним Фолькоф фон Эшбахт едет к себе в поместье, и его офицеры, и его люди с ним, — важно сказал Брюнхвальд.

— Фон Эшбахт?! — Глаза офицера округлились от удивления, он поклонился Волкову и пообещал: — Немедля передам эту новость командиру стражи и графу.

И ушел. А господа офицеры баловались сыром, ветчиной и пивом в ожидании жаркого из кабана, когда вернулся тот же офицер и, поклонившись, произнес:

— Господин фон Эшбахт, господин граф фон Мален просит вас и ваших офицеров быть к нему в гости к ужину.

Как ни хотелось кавалеру отказаться, как ни устал он после дороги, но разве можно отказать графу в его владениях? Хотел он к графу первый раз явиться во всей красе, в броне и со свитой, но не вышло.

— Показывайте, куда ехать, — велел Волков, вставая из-за стола.

Дом графа был стар и приземист, но велик, широк и крепок. Окна не окна, а узкие бойницы, забор вокруг — стена крепостная. Древний дом. Такие уже в городах давно не строят.

Мажордом встретил Волкова, Рене, Брюнхвальда и Максимилиана во дворе с лампой, так как уже стемнело, и проводил их на второй этаж, где в зале с большим столом и камином их ждал граф Фердинанд фон Мален. Как и все Малены, он был родственник герцога и его доверенное лицо. Он был уже немолод, его звезда жизни катилась уже под гору. Седина покрыла его голову, ибо граф прожил уже не меньше шестидесяти лет. Тем не менее был он бодр и здрав рассудком. И зубы еще имелись у него в достатке.

Раскланявшись с графом, рыцарь и господа офицеры рассаживались за стол, звеня шпорами и мечами. Слуги подали вино. Граф говорил с ними, спрашивал о здоровье герцога, о дорогах, о канцлере, а потом как бы невзначай осведомился:

— А зачем вам, господин фон Эшбахт, такой отряд солдат?

— Они и господа офицеры идут в мое поместье со мной, чтобы жить там. Все они люди проверенные, и коли будет нужда, так они станут доброй помощью.

— Не сомневаюсь, не сомневаюсь, что будут они доброй помощью в лихое время, — кивал граф, но, видимо, что-то его беспокоило. — Только вот не будут ли они опасны соседям нашим? Сумеете ли вы держать их в строгости и благоразумии?

— Дозволите ли сказать мне, граф? — произнес Рене, вставая.

— Конечно же! Говорите, друг мой, — разрешил граф.

— Те люди, что идут с нами, так же крепки в бою, как кротки в мире. Никакого воровства и бесчинства от них соседям не будет.

— И то хорошо, — кивнул Фердинанд фон Мален. Повернувшись к кавалеру, он негромко добавил: — Мне будет достаточно слова вашего, господин Эшбахт, что вы присмотрите за своими людьми.

— Присмотрю, не допущу беспокойства ни вам, ни соседям, — хоть и нехотя, но обещал Волков.

— Так и прекрасно тогда, — заулыбался граф и вдруг добавил твердо: — Герцогом мне дело доверено: не допустить распри с соседями и блюсти мир во что бы то ни стало. И если на востоке, во Фринланде, соседи к вам не воинственны будут, а может, даже

и дружны, то на юге от вас, за Мартой, они злобны и сильны. И повода ищут непрестанно. Так не дайте им повода.

Кавалер помолчал немного и ответил:

— Лучшим средством от алчущих соседей является не одно миролюбие, но и крепкие роты.

— Истинно, — подхватил его мысль Брюнхвальд.

— Истинно, — согласился Бертъе.

— Согласен с вами, господа, — кивнул довольный граф и поднял кубок. — Выпьем тогда за крепкие роты дома Ребенрее.

Все встали, и сам граф тоже. Выпили.

И ужин продолжился. И граф всем понравился. Был он любезен и со всеми поговорил, даже у юного Максимилиана спросил, что за путь он выбрал в жизни. И выслушал его, кивая и одобряя его выбор. И Волкову он понравился. Был он и вправду добр, как говорил канцлер, а еще очень непритязателен, ибо такого повара, как у графа, сам Волков гнал бы взашей, да еще и виночерпия выгнал бы. А во всем остальном вечер был прекрасен.

Когда господа офицеры уже вставали, раскланивались и шли к выходу, граф остановил кавалера и сказал негромко:

— Вот что я скажу вам, фон Эшбахт. — Он поколебался. — Скажу вам, что герцог добр, но считает, что лучшее средство от спеси вассалов — меч палача. Не забывайте про это.

— Я понял, — кивнул кавалер и поклонился.

— Храните мир с соседями, друг мой.

— Буду хранить, ваше сиятельство, — обещал рыцарь Божий и господин Эшбахта.

Как ни хотел Волков побыстрее поехать в свое поместье, но канцлер рекомендовал ему посетить епископа города Малена отца Теодора. И это дело кавалер полагал полезным и нужным. Он давным-давно понял, что связи всегда помогают, и уж тем более никогда лишними не будут связи со святыми отцами.

Святой отец был уже в возрасте весьма почтенном и принял его сразу и без церемоний, говорил ласково, но не так чтобы очень уж любезно. Задавал вопросы, улыбался, говорил, что рад знакомству с новым господином земли Эшбахт и что долг Волкова как госпо-

дина привести землю к процветанию. А еще — что мужики тамошние как дети ему быть должны, так что кавалер должен заботился о них. И что главная беда — это волки, что докучают местным мужикам. А также всякие другие бессмысленные слова. Из путного все, что поведал старый поп, было лишь то, что в земле его нет ни одного прихода и что он, Волков, должен приложить все усилия, чтобы это исправить.

— Так как же так случилось, что нет в земле моей приходов? — искренне удивился кавалер и подумал, что поп ввиду старости умом уже слабнет.

— Земля ваша скудна, — вздохнул епископ, — кирпичи, что там были, безбожники пограбили и пожгли за два похода, а новых не поставили за ненадобностью из-за малолюдства.

— И как же люди там живут без света, что церковь несет?

— А благодать Божию людишкам вашим несет брат Бенедикт. Святой человек монашеского звания, что живет среди ваших земель и земель ваших соседей. По хуторам и выселкам ходит и мужикам Писание читает, обряды правит: кому свадьбы, кому похороны, а больше света Божьего в земле вашей нет.

— Я попробую восстановить хоть один храм, — обещал Волков.

Он уже попрощался и шел к выходу, думая, что нужно будет выписать из Ланна отца Семиона — нечего ему на монастырских хлебах толстеть, когда его окликнул монах-прислужник.

Волков обернулся и увидал, что епископ спешит к нему, и на лице его написано удивление.

— Вы не тот самый рыцарь, что устроил инквизицию в Хоккенхайме?

— Это я, святой отец. — Волков был немного озадачен происшедшей с прелатом переменой.

— Ах, друг мой, так позвольте же вас обнять, — и епископ кинулся обнимать Волкова. — Я, старый дурень, и не вспомнил сразу, хорошо, что братья мои напомнили имя ваше. Как я рад! Как я рад видеть вас! Пойдемте же, пойдемте, я велю стол накрыть, хочу сам услышать историю о ведьмах хоккенхаймских.

— Святой отец, — кавалер замялся, но вынужден был договорить: — простите, но сегодня я хотел в земли свои отъехать и до темна там быть. Людей со мной много идет, все пешие. А вот в следующий раз...

— Понимаю, понимаю, сын мой. Конечно, конечно, идите, но обещайте, что как будете у нас в Малене, так сразу приходите ко мне, я вас с нетерпением буду ждать. Уж больно хочется услышать про дело ваше.

— Клянусь распятием, — улыбнулся Волков.

Он опять хотел пойти, но опять его не отпустил епископ. Держал за рукав, а сам звал монаха-служку.

— Ларец, ларец неси сюда, что оружейник подарил, — приказал он монаху, а Волкову сказал: — Пождите, сын мой, подождите немного.

Монах чуть не бегом принес из другой комнаты красивый плоский ларец.

— Открой, открой же его, — настаивал епископ, все еще не выпуская рукава Волкова.

Монах распахнул ларец и поднес его к кавалеру, чтобы тот увидел содержимое. Волков сразу понял, что это. Вещь была редкая и дорогая.

— Берите, — произнес епископ. — Подарок вам.

— Да не посмею я, — начал отказываться кавалер. — Вещь...

Но отказ этот был игрой. Волкову очень нравилась эта дорогая и нужная вещица.

— Берите, настаиваю, — продолжал старик, — как помру — так украдут. А вы мне за это в следующую встречу расскажите все свои истории. Берите.

Волков взял руку епископа, поцеловал ее и только после этого принял ларец. И уже с ним покинул дом епископа.

У покоев его ждал Максимилиан. Кавалер отдал ларец юноше и спросил:

— Вот, епископ подарил. Знаешь, что это?

Максимилиан открыл ларец и ахнул:

— Боже, какая прекрасная вещь! Это же самопальный колесцовый пистоль!

— Интересно, сколько он стоит? — размышлял Волков, тоже заглядывая в ларец.

Великолепной работы оружие все было в инкрустациях и серебре с позолотой. Кажется, шар на рукояти был отлит целиком из серебра.

— Талеров пятьдесят он стоит, я думаю, — сказал юноша.

— Больше, — ответил Волков, который в ценах разбирался хорошо. — Больше. Нужно научиться им пользоваться.

Юноша только кивнул в ответ и закрыл ларец. Он подумал, что такой подарок кому попало не сделают, такие прекрасные вещи дарят только настоящим воинам. И он еще больше укрепился в своем желании идти ратным путем.

